

Л.А. Гордон

ЧЕТЫРЕ РОДА БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гордон Леонид Абрамович — доктор исторических наук, заведующий отделом социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Бедность абсолютная и относительная

Совокупное воздействие таких обстоятельств, как опережающее разрушение прежней экономической системы сравнительно с формированием новой, быстрый распад Советского Союза, сокращение фонда потребления и упадок традиционных механизмов обслуживания, сама непривычность новых жизненных условий, привело к чрезмерному обострению бедности в современной России. Борьба с ней — в сочетании со стратегическими, долговременными нуждами формирования социального государства — становится приоритетной задачей социальной политики. При решении этой задачи нельзя не учитывать, что бедность — явление неоднородное, структура его, как и связанных с ним социальных проблем, весьма сложна.

Ядро проблемы бедности — присутствие в обществе людей, семей, социальных групп и категорий населения, чьи доходы не достигают определенной минимальной величины и чье потребление поэтому находится ниже некоторых минимальных нормативов. Конечно, эти нормативы меняются со временем и различаются в пространстве (региональном и социальном). Однако на протяжении довольно значительных периодов наборы потребительских благ, на основе которых складываются такие нормативы, остаются постоянными. В каждый данный момент их содержание и стоимость могут быть представлены в виде более или менее четко определенных и в этом смысле абсолютных показателей. Соответственно тип бедности, выражающийся в том, что доходы той или иной семьи, группы, слоя не достигают данной величины, можно рассматривать в качестве бедности абсолютной.

Показатели, сравнение с которыми позволяет выделить абсолютно бедную часть общества, связаны с физиологическими, социальными, культурно обусловленными качественными порогами потребления. В сложных современных обществах практически всегда существуют несколько таких порогов. Поэтому при выделении людей и групп, находящихся в ситуации абсолютной бедности, целесообразно одновременно принимать в расчет ее степень.

В нынешней России отчетливо выделяются три степени абсолютной бедности: нищета, наиболее глубокая острая бедность; нужда, средняя бедность; необеспеченность, или недостаточная обеспеченность, умеренная бедность. Конечно, количественные, выражаемые в деньгах границы подобных категорий довольно условны, до некоторой степени расплывчаты. (Поэтому, кстати, однозначные цифровые показатели передают здесь существо дела хуже, чем интервальные обозначения). Но в качественном и социальном смысле они совершенно определены.

В положении абсолютной нищеты, наиболее глубокой бедности находятся люди, не имеющие физиологического минимума средств к жизни. Это те, кто стоит на грани постоянного недоедания, если не голода, или за этой гранью. В сегодняшней российской обстановке условным показателем такой грани можно считать стоимость простейшего набора продуктов питания, входящих в официальный прожиточный минимум. В 1992-1994 годах этот набор стоил чуть больше двух третей прожиточного минимума [1]. По данным государственной статистики, денежные доходы ниже стоимости продуктового набора в 1993 году имело 10-15% населения, в первые восемь месяцев 1994 года — менее 10% [2].

Нужда, средний уровень бедности, охватывает те группы населения, которым хватает средств на простейшие физиологические потребности, но кто не может удовлетворить социальные потребности, даже самые элементарные. В этих группах обычно нет регулярного недоедания, но не обновляется одежда и обувь, нет средств на лечение, отдых и т.п. В сегодняшней ситуации верхнюю границу нужды образует официальный прожиточный минимум, рассчитываемый Министерством труда и фактически являющийся

у нас показателем именно социального минимума (в отличие от стоимости одного лишь продуктового набора, указывающего примерные пределы чисто физиологического минимума). Таким образом, в состоянии нужды оказываются люди, доходы которых меньше официального прожиточного минимума, но больше его половины или двух третей. Судя по официальной статистике денежных доходов, к этой категории относилось 15-20% населения в 1993 году и 10-15% — в январе-августе 1994 года [3].

Наконец, необеспеченностью, умеренной бедностью, переходом от бедности к "не бедности" можно считать уровень жизни, при котором удовлетворяются элементарные потребности — как физиологические, так и социальные, но остаются неудовлетворенными потребности более сложные и высокие. В таких условиях люди более или менее сытно едят (хотя их рацион отнюдь не сбалансирован и их питание нельзя считать здоровым), как-то обновляют одежду, лечатся, отдыхают. Однако все это делается на уровне и в формах, не достигающих образцов, считающихся в рамках данной культуры нормальными и достойными. Иными словами, здесь обеспечен прожиточный минимум, но нет достатка.

Развернутых расчетов, характеризующих критерии этого последнего, сейчас не ведется. Однако в качестве показателя его примерной границы можно использовать удвоенную величину официального прожиточного минимума, которая, по мнению ряда специалистов (в частности, Центра по изучению уровня жизни при Министерстве труда РФ), в среднем достаточна, чтобы удовлетворить нормальные (а не только элементарные) нужды человека — как они, эти нужды, понимаются большинством населения в нашей стране и в наше время [4]. Некоторые авторы используют в этих целях душевой доход, равный средней заработной плате. Похоже, что грань между достатком и необеспеченностью показывает также оценка прожиточного минимума самим населением и экспертами в опросах ВЦИОМ. В противоположность официальному истолкованию около 70% опрошенных склонно считать таким минимумом сумму, которая обеспечивает человеку не просто выживание, но приличное, хотя и скромное существование [5]. Ориентировочные прикидки дают основание относить к этой категории 30-40% населения. В отличие от нищеты и нужды, масштабы необеспеченности в первой половине 1994 года практически не изменились сравнительно с 1993 годом.

Реальное ощущение бедности вызывается не одним лишь соотношением уровня жизни с некоторым абсолютным нормативом или образцом потребления и жизненной обстановки. Не меньшее значение имеет сравнение положения человека или социальной группы, слоя населения с доходами и жизненными обстоятельствами других людей или со своим собственным положением в прошлом. Сравнение это не всегда четко отрефлексовано, но как полусознанное чувство, как фон мировосприятия оно присутствует почти у каждого человека.

Проблемы, вызываемые ощущением бедности сравнительно с другими людьми или прошлым, практически неотделимы от проблем социальной справедливости. Если в обществе существуют массовые группы, считающие свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким, чем у иных социальных категорий или в иное время, на иной территории, то такие группы будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. В этом смысле уместно говорить (в отличие от абсолютной) об относительной бедности.

Различение абсолютной и относительной бедности — не просто классификационное ухищрение. Эти формы бедности имеют неодинаковую перспективу и для их преодоления нужно использовать различные методы. Абсолютная бедность ликвидируется по преимуществу развитием производства, наращиванием валового продукта, того "общественного пирога", величина которого, в конечном счете, определяет уровень потребления. В противостоянии абсолютной бедности вмешательство в разделение этого "пирога" играет второстепенную роль — оно нужно лишь для того, чтобы предотвратить крайние формы социальной обделенности. Применительно же к относительной бедности дело обстоит иначе. Здесь как раз большее значение имеет раздел "общественного пирога", создание механизмов, предотвращающих чрезмерное неравенство. Соответственно идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью — ее абсолютное преодоление: в здоровом обществе, и тем более в социальном государстве не должно быть людей, не имеющих прожиточного минимума. Напротив, задача борьбы с относительной бедностью — не полное устранение неравенства, но его, так сказать, оптимизация, приведение к уровню, не выходящему за приемлемые в данном обществе пределы и вместе с тем не подрывающему стимулы социально-экономической активности. (Пределы эти, в свою очередь, зависят от

состояния общества, его социально-культурных традиций и сами часто поддаются регулированию.)

Природа относительной бедности делает ее границы и внутреннюю структуру особенно многообразными, подвижными и переменчивыми. Их выражение в критериях и цифрах отличаются еще большей приблизительностью и условностью, чем в случаях определения общего порога и отдельных категорий абсолютной бедности.

Простейший и в некотором смысле наиболее надежный способ определения групп, находящихся в ситуации относительной бедности — выделить категории населения, чьи доходы и потребление заметно ниже, чем у основной, наиболее многочисленной части общества. В конце концов, сознательное или неосознанное сопоставление с тем, как живет большинство соседей, рождает ощущение относительной бедности гораздо чаще, чем трудно вообразимое сравнение собственного существования с жизнью верхушки богачей. (Хотя в отдельные критические моменты общественного развития бесстыдство и вызывающая роскошь верхов рождают такую ненависть народа, что она становится мощным фактором массового сознания.)

Нередко хуже всего живущие группы выделяют на простой количественной основе. Берутся 25%, 20% или 10% населения с наименьшими доходами (т.е. нижний квартиль, квантиль и дециль распределения домохозяйств по доходам) или люди, чей доход не достигает половины среднедушевого дохода [6]. Это выявляет тенденции, отличающие жизнь и потребление относительно самых бедных групп от более благополучных. Но для определения границ относительной бедности подобный подход все-таки чересчур груб и произволен.

Более обоснованным представляется использование в качестве точки отсчета не средней величины дохода, но его модального значения. Уже простое выделение той части населения, чьи доходы ниже модальных, дает возможность вычленив категорию, живущую хуже именно основных, наиболее массовых слоев данного общества (а не его абстрактного и крайне гетерогенного большинства). Если же, как часто бывает, кривая распределения населения по уровню доходов позволяет определить не только модальную величину дохода, но и реальные границы модальных групп — отождествление всего, что находится ниже этих границ, с относительной бедностью приобретает почти строгий характер [7].

Учет модальных значений дает также некоторое основание для определения уровней более и менее глубокой относительной бедности, отчасти сходных с уровнями абсолютной нищеты, нужды, необеспеченности. В этом случае в ситуации глубокой относительной бедности (своего рода относительной нищеты) оказываются те, чьи доходы ниже модальных значений (или нижней границы модальных групп, если таковые выделяются достаточно отчетливо). Те же, чьи доходы превосходят модальные значения, но не превышают средний уровень, могут рассматриваться в качестве групп, находящихся в состоянии средней и умеренной относительной бедности (то есть состоянии, отчасти аналогичном нужде и необеспеченности). Если реальное распределение населения по доходам имеет бимодальный (полимодальный) характер, членение относительной бедности на уровни становится совершенно четким, а его градации более дробными.

Следует, однако, подчеркнуть, что хотя с формально-статистической точки зрения общество или его части всегда могут быть разбиты на категории с доходами ниже модальных, от модальных до средних и т.д., такая разбивка имеет серьезный социальный смысл главным образом в богатых и стабильных обществах. Что же касается бедных и кризисных стран, где основная масса населения едва обеспечивает себе прожиточный минимум, то здесь категории, чье положение хуже групп, находящихся в модальных и даже средних условиях, по большей части совпадают с населением, живущим на уровне абсолютной нищеты или нужды. Различение их оказывается не слишком продуктивным.

До недавнего времени именно так обстояло дело в России. Вследствие невысокого жизненного уровня величина модального денежного дохода в 1992-1993 годах и даже в начале 1994 года была у нас довольно близка к прожиточному минимуму. Например, на рубеже 1993-1994 годов эти величины равнялись соответственно 40 тыс. и 38 тыс. рублей в месяц [8]. Значит и доля населения с доходом, уступающим модальному, не слишком отличалась от доли людей, не имевших прожиточного минимума. В конце 1993 — начале 1994 годов меньше модального дохода имело 25-30% населения; меньше прожиточного минимума — 24% и 17%. Если же попытаться, опираясь на кривую распределения семей по доходам, определить не точечное значение моды, но границы модальной группы, то за ее нижним пределом оказывается — и в конце 1993-го и в начале 1994 года — 5-10% хозяйств [9].

Иными словами, проявления относительной бедности, возникающие в итоге того, что часть населения живет заметно хуже основной его массы (т.е. то, что можно называть относительной нищетой и относительной нуждой), затрагивало в то время практически те же категории, которые охватывались абсолютной нищетой и нуждой.

Отсюда, тем не менее, не следует, что относительные формы нужды, нищеты, необеспеченности вообще не заслуживают внимания в современной России. Ситуация может довольно быстро измениться. Пожалуй, такое изменение уже началось. Во всяком случае, модальное значение месячного душевого дохода в среднем за январь-август 1994 года превысило 100 тыс. рублей, а средняя величина прожиточного минимума составила 70 тыс. рублей [10]. Динамика относительной нищеты и относительной нужды в 1994 году отнюдь не тождественна движению абсолютной нищеты и нужды. Абсолютная бедность начинает сокращаться вместе с самыми первыми признаками общественной стабилизации: с конца 1993 года ее распространенность заметно уменьшилась. Напротив, доля людей, живущих относительно беднее основной массы, за это время практически не уменьшилась, скорее даже чуть выросла.

В более длительной перспективе расхождение будет еще заметнее. Собственно, только тогда, когда жизненный уровень основных групп превысит прожиточный минимум, и в особенности когда этот уровень достигнет зоны достатка — именно тогда положение живущих хуже основной массы станет особой проблемой. Если эту опасность не принимать в расчет сегодня, не разрабатывать и не осуществлять специальные упреждающие меры, каждое усилие по преодолению абсолютной бедности обернется шагом к нарастанию классических проявлений бедности относительной.

Впрочем, не исключено, что подобные проявления, в частности, совершенно неразличимая теперь относительная необеспеченность, приобретут актуальность еще до того, как большинство населения достигнет абсолютного достатка. Тут злую шутку могут сыграть с нами специфические формы дифференциации, характерные как раз для бедных стран, вступающих в рыночную экономику без развернутых механизмов социальной поддержки. В начале переходного кризиса доля богатых и полубогатых (зажиточных) в таких странах ничтожна — не более 1-2%. Остальное население, включая и тех, кто имеет первичный достаток и живет вне абсолютной бедности, практически не общается с ними. Богатые воспринимаются в это время чем-то вроде персонажей телевизионной сказки, не имеющих отношения к реальной жизни. Как уже упоминалось, сравнение с ними лишь очень редко всерьез задевает массовое сознание.

Но положение может измениться уже на самых начальных стадиях рыночного развития, коль скоро речь идет о развитии стихийном, социально не регулируемом. В этом случае длительное время сохраняется разрыв между большинством общества, живущим в абсолютной бедности или на уровне самого минимального достатка, и той его частью, которую можно отнести к богатым или действительно зажиточным. Однако численность последних заметно возрастает, достигая десятой, а то и пятой-четвертой части населения. Весь прирост уровня жизни выливается в обогащение меньшинства, в превращение его из ничтожной кучки в массовый слой, охватывающий, конечно, меньшинство населения, но меньшинство осязаемое. В статистическом смысле такая ситуация зачастую отражается в бимодальном распределении домохозяйств по доходам и жизненному уровню.

Это обстоятельство сразу же меняет воздействие жизненной обстановки богатых на сознание бедных. Небогатые, в первую очередь наиболее успешные из них, все чаще начинают лично сталкиваться с богатыми и полубогатыми, видят их быт в его живой осязаемости. С одной стороны, пример богатого соседа способен вызывать уважение и стимулировать деловую энергию небогатых. Но с другой, именно потому, что речь идет о соседе, его богатство может вызывать и обострять ощущение относительной ущемленности. Признаки подобной ситуации уже сейчас есть в России [11].

Но как бы то ни было, самостоятельные социальные проблемы тех форм относительной бедности, которые порождаются текущими, так сказать, синхронными неравенствами в жизни различных групп населения, представляют для России дело будущего. Более близкого или более отдаленного, но все-таки будущего. Между тем в нашем обществе имеются проявления относительной бедности, актуальные уже сегодня. В большинстве случаев они связаны с бедностью по сравнению с иным временем, с диахронными различиями условий жизни.

Строго говоря, диахронное сравнение касается не бедности в точном смысле слова, но несколько иного явления — процесса изменения бедности, абсолютного или относительного обеднения. Впрочем, еще правильнее говорить об абсолютном и

относительном изменении уровня жизни, а не только об обеднении. Специалисты Всероссийского центра по изучению уровня жизни используют в этой связи особый показатель — коэффициент направленности стратификации населения, который показывает оба направления возможных изменений [12]. Правда, различие процессов абсолютного и относительного обеднения во всей их полноте и многообразии имеет смысл лишь применительно к более или менее длительной временной перспективе. На протяжении сравнительно кратких периодов, охватывающих несколько лет, очень многие формы обеднения не играют самостоятельной роли. Они сливаются с бедностью как таковой или выступают в качестве дополнительных факторов, производных от бедности, обостряющих или смягчающих ее проявления.

Но если детальная классификация разновидностей обеднения не слишком необходима при анализе проблем сегодняшней российской бедности, самый факт обеднения, охват этим процессом огромной части общества, явно имеет первостепенное значение. Поэтому в рамках первичной типологии разновидностей бедности, характерных для современной России, целесообразно отразить явления резкого снижения уровня жизни, условно рассматривая обеднение как особую диахронную форму относительной бедности.

Социальную напряженность вызывает не только то, что нынешний жизненный стандарт миллионов людей не обеспечивает прожиточный минимум и тем более достаток. Напряжение возникает и потому, что материально-имущественные и социальные условия стали хуже, чем были у тех же людей всего несколько лет назад. Социально-психологическое соотнесение тут происходит не с другими группами, как бывает в классических разновидностях синхронной относительной бедности, но с собственной жизнью, какой ее помнят (и ощущают как норму) сам человек, его дети и близкие.

Вычленив диахронную относительную бедность (обеднение) стоит еще и потому, что в современной России она действительно играет самостоятельную роль. Обеднение охватывает более широкий круг населения, чем абсолютная бедность: в первом случае это, по меньшей мере две трети, если не три четверти населения, во втором — треть или половина¹. Еще важнее, что наиболее острые разновидности диахронной относительной бедности и наиболее глубокая абсолютная бедность характерны не для одних и тех же, но для разных общественных слоев. Абсолютно беднее всех сегодня те же, что были и раньше. Относительно обеднели больше всех совсем другие люди, принадлежавшие прежде к средним и средне-высоким общественным группам. Соответственно по отношению к ним необходимы другие меры социальной политики.

Бедность "слабых" и бедность "сильных"

При всей важности выделения абсолютных и относительных разновидностей бедности, их недостаточно, чтобы передать своеобразие ее структуры в современной России. Применительно к практическим нуждам социальной политики решающее значение имеет еще одно различие: бедности "слабых" и бедности "сильных".

Бедность "слабых" — это бедность нетрудоспособных и малотрудоспособных людей, инвалидов, больных, физически и психологически неустойчивых, а также работников, вынужденных нести непомерно большую нагрузку (кормильцы многодетных семей и т.п.). Ее можно назвать социальной бедностью, непосредственно обусловленной социально-демографическими свойствами определенных категорий населения. Те или иные проявления бедности "слабых" практически неизбежны в современных обществах. Социальная бедность, по крайней мере ее относительная форма, есть постоянная черта общественной жизни.

В отличие от бедности "слабых", бедность "сильных" возникает в чрезвычайных условиях, когда полноценные (а то и выдающиеся) работники, обычно способные получать доход, дающий "нормальный" жизненный стандарт, попадают в ситуацию, в которой не могут своим средненормальным трудом обеспечить принятый в данное время и в данном обществе уровень благосостояния. С этой точки зрения бедность "сильных" можно обозначить как производственно-трудоу или экономическую бедность, подчеркивая тем

¹ Даже в 1994 году, когда процесс обеднения застыл сравнительно с тем, что было раньше, число тех, кто ощутил ухудшение своего положения, превосходило долю населения, считавшего свое материальное положение плохим или очень плохим: 55% в первом случае, 40-45%-во втором [13].

самым ее непосредственную обусловленность кризисной ситуацией в экономике, когда работник не получает заработка обычного масштаба.

В связи с задачами социальной политики различения производственно-трудовой и социальной бедности особенно важно потому, что из неодинаковой природы данных категорий вытекает необходимость разной стратегии разрешения порождаемых ими проблем. Преодоление или хотя бы смягчение социальной бедности требует по преимуществу прямой помощи-предоставления "слабым" группам дополнительных денежных выплат или натуральных благ. Напротив, производственно-трудовая, экономическая бедность устраняется главным образом косвенной помощью, созданием условий, стимулирующих и развивающих их собственную трудовую активность (что, в конечном счете, увеличивает богатство общества в целом). Показательны в этой связи ответы пенсионеров и квалифицированных рабочих на вопрос о том, в какой помощи нуждаются их семьи. Ответы эти были получены в ходе опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения летом 1994 года; 56% пенсионеров говорили о необходимости получения денежной помощи и только 18% — о желательности помощи в поиске работы и приработков. Среди рабочих о денежной помощи упоминало 48% опрошенных, о помощи в поиске новой или дополнительной работы — 38% [13, с.67].

Различение бедности "сильных" и бедности "слабых" существенно еще и потому, что оно как бы обобщает, синтезирует все другие срезы этого сложного социального явления. Постоянная и абсолютная бедность чаще обрушивается на "слабых"; у "сильных" она обычно имеет временно-переменный (ситуативный) и относительный характер.

Очень важно также, что социальная бедность по природе вещей затрагивает меньшинство населения, не играющее, как правило, решающей роли в общественной жизни. Острой социальной и тем более политической проблемой она становится тогда, когда приобретает формы глубокой нищеты, представляющей социальную и нравственную угрозу для общества. Что же касается "сильных", то их обеднение может стать серьезнейшей проблемой и при меньшем снижении благосостояния. Его социально-политические последствия вообще мало зависят от того, до какого абсолютного уровня бедности (нищеты, нужды, недостаточной обеспеченности) дошел этот процесс. Здесь гораздо важнее глубина, контрастность, несоответствие привычным образцам и сопутствующие обстоятельства: большая или меньшая быстрота обеднения (и значит, большая или меньшая возможность приспособиться к нему), относительная величина разрыва с прошлым или с другими группами.

В общем и целом систему категорий бедности удобно представить в виде схемы, которая, возможно, облегчит понимание взаимосвязи различных критериев бедности, равно как и особую социальную опасность производственно-трудовой бедности. Ибо в исторической практике резкое снижение уровня жизни наиболее квалифицированных, организованных, влиятельных слоев хотя бы до уровня необеспеченности зачастую порождало более сложные социально-политические проблемы, нежели плавное, длительное "опускание" менее влиятельных групп до уровня нищеты (табл. 1).

Тем важнее трезво оценить характер относительного обеднения основных работников в период перехода к рынку. Главное — снижение благосостояния большинства активного населения (например, сравнительно с серединой 80-х годов). Отвергнем дилетантские или демагогические преувеличения, согласно которым жизненный уровень основных групп работников упал во много раз. В действительности покупательная способность зарплаты сегодня вдвое ниже, чем в конце 80-х годов. Что же касается благосостояния в целом, оно с учетом всех заработков и доходов домашнего хозяйства, накопленного имущества и т.п. снизилось за это время менее чем в полтора раза [14]. Но ведь и такое снижение означает резкое ухудшение жизни десятков миллионов людей.

Положение усугубляется тем, что произошло это обвально, неожиданно, в ситуации, когда в стране не только не было психологической настроенности на неизбежные тяготы, но, наоборот, преобладали эйфорические ожидания немедленного и легкого скачка в рыночное "царство благосостояния". Ко всему этому добавляется то обстоятельство, что условия жизни в последние годы не просто ухудшились, но коренным образом изменились. К новым непривычным формам жизненных тягот, таким, как стремительный рост цен или задержки с выплатами зарплаты, приспособиться особенно трудно — как практически-жизнью, так и психологически. В этой обстановке немалая часть населения видит удар по своему положению даже в тех новшествах, которые во всяком случае не снижают

благополучие, а то и до некоторой степени улучшают его (ваучеры, акционирование и т.п.).

Сверх того, болезненное восприятие нынешних масштабов обеднения обостряется переменами в характере социальной дифференциации. Разумеется, наше общество было глубоко дифференцированным и в советский период. Возмущение неравенством и привилегиями номенклатуры явилось одним из факторов, обеспечивших в 80-е годы массовую поддержку идеям перестройки. Похоже, однако, что нынешняя дифференциация, при которой 10% самых богатых людей получают 20-30% всех денежных доходов населения, так что средний размер их личных доходов в 10-11 раз превосходит средние доходы 10% беднейших — такая дифференциация все же глубже дифференциации 70-80-х годов [10, с.66].

В некоторых случаях она является не только показателем неравенства, но и прямым источником обеднения широких слоев работников. Известны предприятия, сознательное расхищение основного и оборотного капитала которых становится главным фактором обогащения верхушки администрации (иногда не только заводской) и одновременно причиной обнищания занятых на них рабочих и служащих.

Еще важнее сама необычность, открытый характер нынешних неравенств, резко отличный от скрытых "зелеными заборами" и секретностью прежних привилегий. Нагло-вызывающее поведение новых богачей, оскорбляющее укоренившиеся представления о социальной справедливости (неважно, рациональны такие представления или нет) возмущает человека ничуть не меньше, чем прямое ухудшение его собственного положения. Возмущение это тем серьезнее, что оно обычно затрагивает прежде всего "сильных" членов общества, привыкших чувствовать себя "солью земли". "Слабую" часть народа, несмотря на ее нищету, богатство верхов нередко возмущает гораздо меньше, чем полноценных работников.

Локализация производственно-трудоустройственной бедности

Повышенная социальная опасность бедности "сильных" требует специального внимания к уточнению ее места в социальном и территориальном пространстве общества. Степень приспособляемости (или неприспособляемости) работников к меняющейся общественно-экономической системе обуславливают два ряда факторов. Во-первых, индивидуально-личностные свойства, потенциал самого работника на рынке труда. Во-вторых, рыночный потенциал предприятий, организаций, отраслей, региональных общностей, сфер экономики — то есть общностно-коллективная конкурентоспособность на рынке труда.

Таблица 1

Основные категория бедности в современной России и их социальная опасность

Уровни бедности и обеднения	Абсолютная бедность		Относительная бедность			
			Синхронная		Диахронная (обеднение)	
	Социальная бедность (бедность "слабых")	Трудовая бедность (бедность "сильных")	Социальная бедность (бедность "слабых")	Трудовая бедность (бедность "сильных")	Социальное обеднение (обеднение "слабых")	Трудовое обеднение (обеднение "сильных")
Нищета и обнищание	Уровень жизни, не обеспечивающий физиологический минимум выживания		Уровень жизни более низкий, чем у самых многочисленных групп		Уровень жизни, резко снизившийся за последние годы	
	Широкая распространенность, высокая социальная опасность	Малая распространенность, высокая социальная опасность	Широкая распространенность, высокая социальная опасность	Крайне малая распространенность, очень высокая социальная опасность	Широкая распространенность, высокая социальная опасность	Умеренная распространенность, высокая социальная опасность
Нужда и обеднение	Уровень жизни, не обеспечивающий социальный прожиточный минимум		Уровень жизни более низкий, чем у групп со средним достатком		Уровень жизни, заметно снизившийся за последние годы	
	Широкая распространенность, невысокая социальная опасность	Широкая распространенность, очень высокая социальная опасность	Малая распространенность, невысокая социальная опасность	Широкая распространенность, высокая социальная опасность	Широкая распространенность, невысокая социальная опасность	Очень широкая распространенность, очень высокая социальная опасность
Необеспеченность и дестабилизация (потеря обеспеченности)	Уровень жизни, не обеспечивающий минимальный достаток		Уровень жизни более массовых зажиточных низкий, чем у и богатых групп		Уровень жизни, умеренно снизившийся за последние годы	
	Малая распространенность, невысокая социальная опасность	Очень широкая распространенность, умеренная социальная опасность	Крайне малая распространенность, невысокая социальная опасность	Малая распространенность, высокая социальная опасность	Малая распространенность, невысокая социальная опасность	Широкая распространенность, умеренная социальная опасность

Под воздействием индивидуальных факторов в категории риска по отношению к производственно-трудовой бедности (особенно на уровне нужды и нищеты) попадают по преимуществу плохо образованные работники среднего и старшего возраста, узкой или не слишком высокой квалификации, не привыкшие к смене занятий. Зачастую это представители тех самых трудовых династий, которые десятилетиями трудились на одном и том же предприятии, в одном и том же цеху, а то на одном и том же рабочем месте. Психология и ценности кадровых работников, прежде облегчавшие им жизнь, становятся препятствием их адаптации в новых условиях. В том же направлении при прочих равных действует общепсихологическая склонность к консерватизму, конформность, боязнь новизны, не говоря уже о физической слабости, отсутствии характера, неготовности к соревнованию и конкуренции на рынке труда [15].

В общем, если бы формирование производственно-трудовой бедности происходило только в соответствии с индивидуально-личностным потенциалом работников, вся ситуация по своим социально-политическим последствиям явилась бы количественно (не качественно) усиленным продолжением бедности "слабых". Однако то обстоятельство, что обеднение полноценных работников зависит также от рыночного потенциала организаций и общностей, к которым они принадлежат, резко меняет и усложняет проблему определения уязвимых групп. Сочетание индивидуально-личностных и коллективных потенциалов указывает на четыре категории работников, в разной степени подверженных риску бедности [16]. Две из них заслуживают наибольшего внимания применительно к локализации процессов обеднения. Первая в ряду этих категорий состоит из менее квалифицированных и менее образованных работников, занятых на производствах, в отраслях, регионах, особенно тяжело входящих в рынок (ВПК, гиганты тяжелой промышленности, отсталые производства, хиреющие регионы). Обе группы факторов риска действуют тут в одном направлении, и потому вероятность возникновения производственно-трудовой бедности крайне велика. Сама бедность в данном случае вполне может достичь уровня глубокой нужды и даже абсолютной нищеты, мало отличной от социальной бедности нетрудоспособных. Совершенно реальной опасностью обнищания станет, если в отраслях и регионах, трудно входящих в рынок, появится массовая безработица. Люди менее квалифицированные и психологически более слабые явно будут обречены на весьма длительные поиски работы; возможно, часть из них попадет в ситуацию застойной безработицы и без принятия специальных мер вообще не сумеет вернуться в народное хозяйство. Скорее всего, бедность в этой среде достигнет наибольшей глубины, но вряд ли активность данной группы сама по себе станет наибольшей угрозой социальной стабильности.

Вторая категория — это квалифицированные, хорошо образованные молодые и сильные работники того же ВПК, гигантов промышленности, хиреющих регионов. Факторы риска бедности действуют здесь в разных направлениях, отчасти умеряя друг друга. Повышенные тяготы рыночного перехода предприятий, где такие работники трудятся, и регионов, где они живут, снижают их благосостояние. Но высокий индивидуальный потенциал помогает им частично облегчить свое положение: сохранить оплачиваемую работу, если производство сокращается, получить дополнительные заработки, сравнительно быстро обрести новую работу или профессию в случае безработицы. Обеднение выливается здесь по большей части в нужду или недостаточную обеспеченность, а не в абсолютную нищету. Однако социальная опасность, связанная с обеднением молодых и квалифицированных работников, несравнимо серьезнее, нежели возможные последствия нищеты малоквалифицированных ветеранов производства. К тому же надо принять в расчет, что диахронное относительное обеднение квалифицированных работников в отраслях типа ВПК достигает наибольшего масштаба. В сочетании со стремительным понижением реальных доходов контраст с прежним статусом способен вызвать интенсивное и устойчивое недовольство — тем более опасное для общества, что квалифицированные и образованные работники могут стать силой, объединяющей другие, менее активные слои недовольных, не способные к самоорганизации.

В социально-политическом смысле именно в среде квалифицированных работников ВПК, тяжелой промышленности, прикладной науки локализуется фокус, центральная точка современной российской бедности. Вместе с тем сейчас и еще не менее 10-20 лет (пока ныне живущие поколения останутся основным ядром населения) квалифицированные работники данных отраслей есть и будут лучшей частью трудовых ресурсов России. Так что

и в экономическом отношении преодоление их бедности и активизация тем самым трудового потенциала имеет первостепенное значение.

Что касается работников, занятых на предприятиях и живущих в регионах, имеющих высокий рыночный потенциал, то менее квалифицированные, психологически слабые (третья категория по нашему счету) также подвергаются известному риску обеднения; для людей, обладающих высокой квалификацией, образованием, здоровьем (четвертая категория) проблемы бедности вообще не приобретут остроту (табл. 2).

В отличие от социальной бедности нетрудоспособных и многодетных, бедность полноценных работников сравнительно быстро перемещается от одной их категории к другой. Разумеется, общее утверждение относительно ее концентрации главным образом в средах, тяжело приспособляющихся к рынку, остается верным на протяжении всего переходного периода. Но конкретный перечень групп и категорий, испытывающих наибольшие сложности вхождения в рынок, их признаки, условия, вызывающие эти сложности, меняются достаточно быстро. Потому и задачу локализации трудовой бедности, разработки мер борьбы с ней вообще нельзя решить раз и навсегда.

Тем не менее, полезно конкретизировать некоторые социальные адреса трудовой бедности (памятуя, конечно, о том, что речь идет о положении в середине 1994 года).

Так, в ВПК в особенно трудном положении находятся, с одной стороны, узкопрофильные предприятия по изготовлению относительно простой военной техники (например, минометов), с другой — гигантские научно-индустриальные (постиндустриальные) производства, такие, как атомная и космическая промышленность или строительство подводных лодок. И в том

Таблица 2

Вероятная глубина и сравнительная опасность обеднения различных социально-производственных категорий работников

	Категории, различающиеся свойствами коллективов и общностей, к которым они принадлежат	
Категории, различающиеся индивидуальными свойствами работников	Занятые на предприятиях и живущие на территориях, испытывающих особые трудности при вхождении в рынок	Занятые на предприятиях и живущие на территориях, испытывающих обычные (средние) трудности при вхождении в рынок
Менее квалифицированные, необразованные, пожилые, нездоровые и неадаптированные работники	Очень высокая вероятность бедности, порождающая умеренную социальную опасность	Умеренная опасность бедности, порождающая невысокую социальную опасность
Более квалифицированные, лучше образованные, молодые, адаптированные работники	Высокая или умеренная вероятность бедности, порождающая очень высокую социальную опасность	Малая вероятность бедности и связанных с ней социальных опасностей

и в другом случае конверсия крайне затруднена: в первом — из-за специализации и примитивности оборудования, подчас довольно старого; во втором, напротив — вследствие уникальности и дороговизны новейшей техники, окупать и совершенствовать которую вряд ли возможно с помощью перехода на выпуск товаров массового потребления. В самых тяжелых условиях, зачастую близких к нищете, оказываются работники специализированных предприятий, имеющие лишь весьма узкую и простую квалификацию. В то же время наибольшую политическую и экономическую угрозу для общества представляет обеднение (хотя бы относительное) и порождаемое им недовольство, дисквалификация работников постиндустриальных заводов и институтов.

Чрезвычайные трудности вхождения в рынок испытывают отрасли социального обслуживания — просвещение, культура, здравоохранение, наука и т.п. О них нельзя сказать, что их продукция (услуги), в отличие от военного производства, избыточна по отношению к реальным потребностям общества. Исключение составляет разве что некоторая часть прикладной военно-промышленной науки; тот факт, что в СССР была сосредоточена четверть всех научных работников мира, все-таки никак не соответствует ни реальным потребностям нашего общества, ни фактической эффективности советской науки.

Но в остальной сфере социального обслуживания в России развита скорее недостаточно, чем чрезмерно.

Сложность перехода сферы социального обслуживания к рыночной экономике обусловлена повышенной ролью, которую в ее организации играет и должно играть государство. В любом случае огромная часть школ, медицины, фундаментальной науки, культуры будет и дальше зависеть от различных видов государственной поддержки (федеральной, региональной, муниципальной). Между тем стремительное ослабление бюджетного финансирования на всех уровнях составляет характерную черту переходного кризиса. Для многих материально-производственных отраслей это становится толчком к самостоятельности, предпосылкой рыночной переориентации. Но в социальной сфере подобная переориентация может быть лишь очень ограниченной. Поэтому вплоть до обуздания инфляции, сокращения бюджетного дефицита, восстановления нормального материально-экономического положения государства финансирование социальной сферы будет находиться в критическом состоянии [17]. Соответственно здесь локализуется один из очагов современной бедности. Непосредственное воздействие труда и численности работников социальной сферы на качество обслуживания десятков миллионов людей делает проблемы бедности в этих отраслях общественно очень опасными.

Наряду с отраслевой нуждается в уточнении также территориальная распространенность процессов обеднения. Если отвлечься от повышенной концентрации военного производства на тех или иных территориях (что является другим выражением отраслевой локализации бедности), наибольшие трудности сейчас прежде всего испытывают те области и города, жизнедеятельность которых сильно (больше среднего) зависит от осуществляемой государством системы жизнеобеспечения. К их числу по преимуществу относятся территории, развивавшиеся не столько под влиянием нормальных экономических факторов, сколько в военно-стратегических целях, вследствие стремления обеспечить автаркическую структуру хозяйства, а то и просто по соображениям престижа или из-за волюнтаристских ошибок и произвола. В прошлом, особенно в военной обстановке, подобное развитие бывало функциональным и оправданным. При переходе к рынку оно чрезвычайно уязвимо. Возможности государства резко сокращаются, а механизмы рыночной экономики не приспособлены к поддержанию таких искусственных образований. В результате во многих из них образуются очаги бедности, в том числе бедности трудовой.

Чрезвычайно показательно в данном отношении положение северных территорий. В кризисной обстановке их жизнеобеспечение постоянно находится под угрозой срыва. При том, что на Севере невозможна "страховка" с помощью личного хозяйства, это означает, что в бедственную ситуацию попадает большинство из 10-11 миллионов проживающих там людей. В том числе и та часть работников, чей труд в регионах пионерского освоения экономически вполне оправдан. В этом смысле на Севере главную угрозу составляют даже не низкий уровень или отсутствие доходов (в чем, собственно, выражается бедность в рыночной экономике), но прямые натуральные нехватки, своего рода гиперболизированные, всеобщие формы дефицита.

Одновременно в некоторых северных центрах, в частности, там, где истощаются ресурсы или на экономике которых начинает сказываться конкуренция с аналогичной зарубежной продукцией, продолжение производства становится невыгодным. Именно так обстоит дело на многих шахтах Воркуты и Инты, уголь которых сегодня подчас дороже ввозимого из-за границы. Здесь дефицит, вызванный специфическими трудностями северного снабжения, соединяется с бедностью, порождаемой обычными для рынка экономическими причинами. Понятно, какую взрывчатую смесь может породить такое соединение.

Еще один тип территорий, где особенно заметно проявляются проблемы бедности — это области, чья экономика в повышенной степени зависела от хозяйственных связей и производственной кооперации; с распадом Союза падение производства тут стало особенно заметным. Ивановская область с ее почти полностью остановившейся текстильной промышленностью являет собой классический пример региона, где острота проблем бедности обусловлена распадом СССР.

С локализацией трудовой бедности в территориальном разрезе смыкается вопрос о ее неравномерной распространенности в поселениях различного типа. Обеднение острее всего ощущается в средних и небольших городах. Правда, абсолютные показатели доходов в деревне и самых малых городах несколько ниже, чем в средних. Однако образование и квалификация, а значит и уровень притязаний массы работников в последних несравнимо выше, чем в деревне. Вырастающий отсюда разрыв по своему социально-психологическому значению перекрывает некоторую абсолютную разницу в уровне жизни.

Вместе с тем ситуация в средних городах хуже, чем в самых больших, и особенно — в столицах. Потребности и запросы населения вследствие значительной урбанистической интеграции 70-80-х годов как раз не слишком сильно отличаются друг от друга. Однако угроза обеднения в средних городах существенно серьезнее, чем в крупных и крупнейших. В средних городах гораздо уже возможности смены работы, получения дополнительных приработков, занятия бизнесом и т.п. С особой силой ощущается эта ограниченность в небольших монопрофильных городах. Самые серьезные очаги производственно-трудовой бедности образуются там, где совпадает направленность ее отраслевой, территориальной, поселенческой локализации. Положение работников военного завода в небольшом городе или на Севере несравнимо тяжелее, чем занятых на таком же заводе в крупном индустриальном или административном центре. К тому же одинаковое снижение уровня жизни создает в небольшом городе гораздо более сильное ощущение безнадежности, безвыходности ситуации [18]. Соответственно общественно-политическая дестабилизация может приобрести здесь особенно сильный характер.

Заметим также, что уже теперь стоит указать на некоторые социальные среды, которые, возможно, станут центрами бедности полноценных работников в обозримой перспективе. К ним в первую очередь относятся безработные. Хотя пока безработица в России имеет преимущественно частичный и потому не столь опасный характер, в ближайшем будущем, если не принять упреждающих мер, положение может измениться коренным образом. Наблюдение за предприятиями, где разгосударствление произошло несколько лет назад, свидетельствует, что через определенное время после приватизации следует ожидать радикальной смены политики директората и (или) новых хозяев в отношении занятости. Стратегия сохранения трудовых коллективов в большей части заменится стратегией интенсификации труда и всемерного сокращения рабочей силы [19]. Открытая, классическая безработица в случае ее стихийного, неуправляемого роста может достичь огромных масштабов. Сама непривычность такой безработицы (в отличие от неполной занятости, неполной оплаты, с чем приходилось сталкиваться и в прошлом) сделает ее социальные последствия совершенно непредсказуемыми.

Другая среда, где в обозримом будущем может сосредоточиться производственно-трудовая бедность, — низкоэффективные и малоподвижные производства, непривлекательные для частного капитала. Бесспорно, и сейчас оплата труда на государственных и полугосударственных предприятиях (только что приватизированных и акционированных) в целом существенно ниже, чем в частном секторе. Однако в настоящее время работники государственных и полугосударственных предприятий составляют подавляющее большинство занятых в материальном производстве. Условия их жизни в общем соответствуют средним показателям, так что эту среду пока вряд ли стоит рассматривать в качестве социальной группы, где локализуется бедность. Однако в течение нескольких лет положение изменится. Основная масса предприятий станет действительно частными. Судя по опыту других стран, заработки многих категорий работников на казенных заводах и фабриках по-прежнему будут ниже, чем на частных. В нормальных условиях эта разница не достигает столь больших размеров, чтобы стать источником бедности. Но если превращение работников государственных предприятий в меньшинство произойдет достаточно быстро, в период еще продолжающегося переходного кризиса, их положение окажется очень нелегким. При общем низком уровне оплаты труда разница в заработках может привести в эту среду острую нужду или серьезную необеспеченность. В таком случае здесь будет находиться один из центров обеднения.

Разумеется, — и это надо подчеркнуть со всей серьезностью — соображения о конкретной локализации бедности в будущем имеют сугубо предположительный характер. Но вполне очевидно, сколь необходим мониторинг условий труда и быта населения, в первую очередь постоянное отслеживание "зон" трудовой бедности, уточнение конкретных социальных групп, отраслей, территорий, где локализуются ее очаги. Это должно стать органической частью программы борьбы с бедностью

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Госкомстат России. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов: Экономический обзор. 1994. №5. С.70.
2. Госкомстат России. Социально-экономическое положение России: январь-август 1994 г. М., 1994. С.66; Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. 1994. №3. С.75; Зубова Л., Ковалева Н., Хахулина Л. Бедность в новых экономических

- условиях// Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1994. №4. С.25.
3. Социально-экономическое положение России: январь-август 1994 г. С.66; Госкомстат России. Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М.,1994. С.280.
 4. Бобков В. Богато жить не запретишь, бедно — тоже // Российская газета. 1994. 31 мая; Колосов В. Хочешь быть богатым? Работай! // Труд. 1994. 27 августа.
 5. Экономические и социальные перемены. 1994. №4. С.75.
 6. В разработках ВЦИОМ к населению с низкими доходами относят 20% населения с наименьшими доходами в расчете на одного члена семьи (Экономические и социальные перемены. 1994. №5. С.92).
 7. Возможно, о границах модальных групп говорит резкое увеличение доли населения с месячным душевым доходом от 40 до 60 тыс.руб. (сравнительно с долей населения, получавшей от 20 до 40 тыс.руб.), сохранение примерно той же доли в группах с доходом 60-80, 80-10 тыс.руб. и заметное падение с переходом к доходу выше 100 тыс.руб. (Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. 1994. №4. С.66).
 8. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. 1994. №4. С.66-69.
 9. Российская Федерация в цифрах в 1993 г. С.280; Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. 1994. №5. С.67-68.
 10. Социально-экономическое положение России: январь-август 1994. С.60, 66.
 11. Всероссийские опросы ВЦИОМ весной и летом 1994 г. показали, что почти 40% наемных работников с уважением или спокойно относятся к тем, кто стал сейчас зарабатывать намного больше других, и только 15% испытывают неприязнь к ним. В то же время свыше 80% населения считают нынешнее распределение доходов несправедливым. (Экономические и социальные перемены. 1994. №4. С.63; №5. С.57).
 12. Мигранова Л., Бобков В., Литвинов В. Богатые богатеют, бедные беднеют//Независимая газета. 1994. 5 июля.
 13. Экономические и социальные перемены. 1994. №5. С.54, 56.
 14. Мстиславский П. Интегральные измерители динамики уровня жизни населения РФ за 1970-1993 гг. с международным сопоставлением // Всероссийский центр уровня жизни. Уровень регионов России. Вып. 10-11. М.,1994. С.38.
 15. Гимпельсон В., Магун В. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. №1. С. 134-149; Магун В., Гимпельсон В. Стратегии адаптации рабочих на рынке труда// Социологические исследования. 1993. №9. С.73-84.
 16. Двухфакторная модель дифференциации работников в их отношении к рынку по дробнее рассмотрена в кн.: Гордон Л. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М.,1993. С.58-63; Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М., 1993. С.17- 23.
 17. На протяжении 1992-1994 гг. заработная плата работников здравоохранения, образования, культуры, науки, несмотря на отдельные колебания, обусловленные забастовками врачей и учителей, в общем остается на уровне в 1,5-2 раза более низком, сравнительно со средней заработной платой по народному хозяйству в целом (Российская Федерация в цифрах в 1993 г. С.270-271; Социально-экономическое положение России: январь-август 1994 г. С.62-63).
 18. Некоторое представление о доходах, уровне образования, угрозе безработицы, возможностях улучшить материальное положение дает разработка всероссийских опросов общественного мнения в разрезе поселений различного типа (Экономические и социальные перемены. 1994. №5. С.61,85).
 19. Гимпельсон В. Политика Российского менеджмента в сфере занятости// Мировая экономика и международные отношения. 1994. №6. С.5-20; Кабалина В., Металина Т.

Социальные механизмы политики занятости на российских предприятиях//Там же. 1994. №7. С. 157-170; Капелюшников Р., Аукционек С. Рынок труда в 1993 г. // Российский экономический барометр. Вып.8. С.1-8.